

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2180](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180)

В. В. Радаев

АЛКОГОЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ: ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1980—2010-е ГОДЫ

Правильная ссылка на статью:

Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и пост-советской России, 1980—2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.

For citation:

Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)

АЛКОГОЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ: ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1980—2010-е ГОДЫ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: radaev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

Аннотация. Цель работы — выявление основных трендов в потреблении алкогольных напитков, включая прослеживание циклов и смены структурной модели потребления алкоголя в российском обществе с 1980 по 2020 гг. В качестве комплементарных источников эмпирических данных используется статистика Росстата и Всемирной организации здравоохранения об объемах потребления алкоголя, экспертные оценки потребления нелегального алкоголя, данные 29 волн опросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) о динамике объема потребления алкоголя и доли потребителей основных алкогольных напитков.

Статистические и опросные данные демонстрируют в целом сходные тенденции, обнаруживая циклические изменения в уровне потребления легального и нелегального алкоголя. При этом циклы потребления сопровождаются относительно устойчивыми структурными сдвигами. Сформиро-

ALCOHOL CYCLES: TRENDS IN THE ALCOHOL CONSUMPTION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA, 1980–2010

Vadim V. RADAEV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: radaev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This paper aims at revealing the main trends in consumption of alcoholic beverages in Russia between 1980 and 2020. The author studies alcohol cycles and change in the structural model of consumption basing on the data collected from complementary sources including Rosstat and WHO statistics on the volume of alcohol consumption, expert estimates of the illegal alcohol consumption, and survey data from 29 waves of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) on changes in prevalence of alcohol use and changes in the volumes of alcohol consumption.

Overall, official statistics and self-reported data demonstrate similar trends revealing cyclical movements in the level of legal and illegal alcohol consumption. These cycles are accompanied by sustainable shifts in the structure of the consumed alcoholic beverages. The Soviet structural model of alcohol consumption emerged in 1960–1980s and after a series of external economic and political shocks gave room to a

вавшаяся в 1960—1980-е годы советская модель потребления алкоголя в результате нескольких экономико-политических шоков уступает место новой модели, связанной в том числе с постепенным уходом от традиционного для советской России «северного» стиля потребления алкоголя. Устойчиво снижается доля водки и крепких напитков в целом. Пиво перегоняет водку сначала по доле потребителей, а затем и по объему потребления в литрах чистого алкоголя. Относительно стабильным остается потребление вина. Во второй половине 2000-х годов очередная повышательная волна сменяется снижением потребления алкоголя и по его объему, и по доле потребителей (преимущественно за счет роста доли абстинентов). Затем, с середины 2010-х годов, снижение потребления алкоголя останавливается. Вопрос о характере последующей волны пока остается открытым.

Ключевые слова: потребление алкоголя, промышленный и домашний алкоголь, стили потребления, циклическое развитие, Россия

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Цель данной работы — выявить общие тренды в потреблении алкоголя в России с начала 1980-х до конца 2010-х годов на основе разных источников данных. Первая задача исследования — проследить основные циклы в изменении объема потребления и доли потребителей алкоголя. Вторая задача — показать, как в ходе циклического развития менялась общая модель потребления алкоголя в части структуры употребляемых алкогольных напитков.

new model associated with a gradual transition from the traditional Northern style of drinking. The author observes a steady decline in the use of vodka and strong spirits and shows that beer took over vodka initially in prevalence of use and then in the volume of consumption in liters of pure alcohol, while consumption of wine remained relatively stable. Upward wave in the alcohol consumption was replaced by a new downward wave by the end of 2000s showing a decline both in prevalence and volume of alcohol consumption (mainly due to an increasing number of abstainers). However, this downward trend was interrupted in a second half of the 2010s. The course of the following consumption wave remains unknown and should be revealed in the future studies.

Keywords: alcohol consumption , manufactured and homemade alcohol , styles of consumption, cyclical development, Russia

Acknowledgments. The study was conducted at the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University and support by the Program for Basic Research of the HSE University.

В середине 1980-х годов классик алкогольных исследований Оле-Йорген Ског, проанализировав длинные временные ряды статистических данных в Норвегии за 130 лет (1851—1982 гг.), предложил общую социологическую концепцию длинных волн потребления алкоголя (с более короткими волнообразными колебаниями внутри), которые возникают под влиянием множества разнородных факторов, включая внешние воздействия (изменение уровня материального благосостояния, войны, депрессии, антиалкогольные реформы) и собственную логику развития потребления алкоголя, складывающуюся в результате сетевых взаимодействий между людьми на микроуровне социальной организации [Skog, 1986].

По России консистентные статистические данные за длительный период отсутствуют, и выявление длинных волн потребления объективно затруднено, однако возможен анализ волн за более короткие периоды [Немцов, 2009; Немцов, Шелыгин, 2014; WHO, 2019]. На основе сопоставления имеющихся разнородных статистических и опросных данных автор этой работы попытается показать, что и в России потребление алкоголя развивается волнообразным образом, а в ходе циклических колебаний совершается переход от советской к постсоветской модели потребления алкоголя [Радаев, Котельникова, 2016], от «северного» стиля потребления — к смешанным стилям [Popova et al., 2007; Mäkelä, Tigerstedt, Mustonen, 2012].

В данном случае автор оставляет за рамками исследования многочисленные факторы, лежащие в основе изменений потребления алкоголя, в том числе влияние разных потребительских групп [Котельникова, 2015; Рощина, Богданов, 2018], межпоколенческой динамики [Kraus et al., 2019; Radaev, Roshchina, 2019; Радаев, 2020а, 2020б], лишь немного касаясь влияния антиалкогольной политики [Радаев, Котельникова, 2016; Neufeld, Rehm, 2013]. В работе также не рассматриваются последствия потребления алкоголя, включая влияние на здоровье и смертность [Немцов, 2009; Денисова, 2010; Treisman, 2008; Leon, Shkolnikov, McKee, 2009]. Основным ее фокусом станет оценка происходящих со временем изменений, которые, как показывает анализ, не были ни простыми, ни тем более линейными.

Автор статьи анализирует, как разворачивались повышательные и понижающие волны в потреблении алкоголя, как выглядела советская структурная модель потребления и как произошел ее слом с переходом к новой модели в постсоветский период в результате шоковых экономико-политических воздействий, а затем прослеживает возникновение новых тенденций в потреблении алкоголя и структуре употребляемых напитков в новом тысячелетии.

Источники данных

В работе используются и сопоставляются разные источники данных, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Первый источник — данные Росстата об объемах душевого потребления алкоголя в целом и по основным видам напитков в пересчете на литры чистого алкоголя за период 1980—2019 гг. При изучении позднего советского периода и периода либеральных экономических реформ начала 1990-х годов автор дополняет эти данные вторым источником — экспертными расчетами объемов потребления нелегального алкоголя

(самогона) [Tremi, 1997; Немцов, 2009], опираясь на расчеты А. В. Немцова за 1980—2000 гг. Третьим источником стали данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) с 1990 по 2016 гг.

В постсоветский период описанная статистика дополняется четвертым источником — опросными данными о доле потребителей основных алкогольных напитков. Они собирались в ходе Российского мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹ и относятся к 30-дневному периоду, предшествовавшему опросу. Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. В своих расчетах автор использует данные 1994—2020 гг. (29 волн), полученные от 317 568 респондентов в возрасте 15 лет и старше.

С 2006 г. в RLMS-HSE появляются данные об объемах потребления алкогольных напитков. Для расчетов общего объема потребления выпитое переводится в граммы чистого алкоголя по усредненным параметрам для отдельных типов алкогольных напитков. Применяются следующие коэффициенты для представленных в опросе вариантов ответа: водка и ликеро-водочные изделия — 40 %, коньяки, бренди, виски, ром, текила — 40 %, самогон — 40 %, пиво промышленного производства — 5 %, пиво домашнего производства и брага — 3 %, сухие и игристые вина — 12 %, крепленые вина — 18 %, алкогольные коктейли — 7 %, другое (разные напитки от домашних настоек до медицинского спирта) — 22 % [Радаев, Рощина, 2019]. Применяемый подход в целом соответствует методике оценки среднедушевого потребления алкоголя, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 575 от 30 июля 2019 г.²

Известно, что показатели объема потребления алкоголя существенно занижаются в ходе опросов в силу сложностей калькуляции и более частых отказов респондентов от ответа, что отмечалось не только в российской, но и в международной практике [Livingston, Callinan, 2015; Kilian et al., 2020]; в частности, такие выводы делались в отношении данных RLMS-HSE [Nemtsov, 2004]. Поэтому сравнивать абсолютные объемы потребляемого алкоголя по статистическим и опросным данным не рекомендуется. Но, в отличие от абсолютных объемов потребления алкоголя на определенный момент времени, динамика этих показателей в опросах населения от года к году, на наш взгляд, отражается достаточно адекватно, и она может эффективно использоваться для отслеживания трендов. Сопоставление статистических данных о динамике уровня потребления и комплементарных данных RLMS-HSE позволяет представить изучаемую картину более объемно (по крайней мере, в постсоветский период).

В своем анализе автор статьи использует информацию о потреблении основных видов алкогольных напитков промышленного производства (водка и ликеро-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

² Приказ Минздрава России от 30.07.2019 г. № 575 «Об утверждении методики оценки среднедушевого потребления алкоголя в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/560925948> (дата обращения: 28.06.2022).

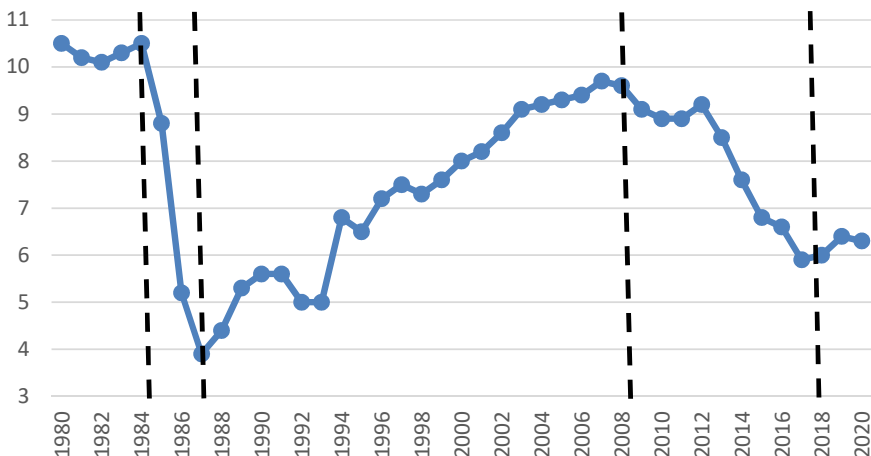
водочные изделия, винодельческая продукция, пиво и пивные напитки) и домашнего производства (самогон), составляющих в настоящее время в сумме более 90 % общего потребления алкоголя. Серьезное ограничение данного исследования касается нерегистрируемого алкоголя: в рассмотрение включены данные по домашнему алкоголю, однако вне внимания остаются другие виды нерегистрируемого алкоголя (продукты неучтенного промышленного производства, поддельный алкоголь, алкогольные суррогаты). Эти категории напитков, несомненно, важны, особенно при рассмотрении ситуации с употреблением алкоголя в России; тем более, что их потребление может быть связано с ущербом для здоровья и риском для жизни [Gil et al., 2009; Neufeld, Rehm, 2018]. Однако информацию по ним сложно выявлять стандартизованными опросными методами, а в официальной статистике она отсутствует; некоторые косвенные оценки можно найти в данных ВОЗ, и автор приводит их в тексте.

Циклы потребления легального алкоголя

По мере роста материального благосостояния населения в Советском Союзе в 1960—1970-е годы потребление легального алкоголя устойчиво повышалось, опережая рост аналогичных показателей в европейских странах. Периодически государство начинало антиалкогольные кампании (например, в 1958 и 1972 гг.), но в целом они не приводили к сколько-нибудь заметным результатам [Немцов, 2009]. К середине 1980-х годов уровень потребления алкоголя в СССР увеличился с 3 л более чем в три раза и достиг своего исторического пика — 10,5 л чистого алкоголя на душу населения без учета нелегального алкоголя. Именно в этот момент наша страна вышла на первые позиции в мире по душевому объему потребляемого алкоголя (около 15 л в год в сумме с нелегальным алкоголем).

С начала 1980-х годов доступны ежегодные официальные статистические данные по потреблению легального алкоголя, и на них мы можем проследить характерное волнообразное движение: после небольшого хвоста длинной послевоенной повышательной волны во второй половине 1980-х годов происходит резкое падение душевого потребления, с 10—11 л до 4 л чистого алкоголя, вызванное жесткой горбачевской антиалкогольной реформой. Затем начинается устойчивое повышение в реформенные 1990-е годы, связанное с либерализацией торговли, — с небольшим прерыванием в самые первые шоковые годы реформ и кратковременными снижениями во время кризисов 1995 и 1998 гг. Эта фаза вновь приводит к двукратному увеличению потребления алкоголя (с 4 л до 8 л). Повышательная волна продолжается в период экономического роста 2000—2007 гг., когда, по данным Росстата, душевое потребление в литрах чистого алкоголя увеличивается с 8,0 л до 9,7 л (+21 %), почти достигая позднесоветского уровня. После кризиса 2008 г. этот показатель снова начинает снижаться и к 2017 г. опускается до 5,9 л (–39 %), завершая очередной цикл. С 2018 г. динамика стабилизируется, и даже наблюдается некоторый поворот кривой вверх (рост до 6,3 л к 2020 г.; +7 %). Динамика последних лет может быть свидетельством начала новой повышательной волны (см. рис. 1).

Рис. 1. Душевое потребление легальной алкогольной продукции в России в 1980—2000 гг., в литрах чистого алкоголя³

Таким образом, даже на относительно коротком историческом отрезке мы видим периодические восходящие и нисходящие волны в потреблении легального алкоголя с колебаниями в интервале между 4 л и 10 л чистого алкоголя на душу населения. На эти волнообразные движения работает множество разнообразных факторов. Приведем лишь один из них: изменение реальных располагаемых доходов населения, измеряемое как прирост в процентах к предшествующему году. В 2000—2020 гг. этот показатель значимо коррелирует с уровнем душевого потребления алкоголя (по оценкам на данных Росстата, $r = 0,699$, $p < 0,01$). В 2000—2007 гг., когда прирост реальных располагаемых доходов держится на небывало высоком уровне (в среднем +12% в год), душевое потребление алкоголя возрастает. Когда же в 2008—2014 гг. прирост доходов резко падает (в среднем до 3% в год), а в 2015—2017 гг. и вовсе уходит в минус (в среднем –2,5% в год), потребление алкоголя снижается. Наконец, в 2018—2019 гг. падение реальных доходов приостанавливается, они даже немного увеличиваются, и одновременно с этим прекращается и снижение потребления алкоголя. Соответственно, вопреки стереотипным представлениям, потребление алкоголя вырастает не в кризисные, а в более благополучные периоды; в годы кризисов оно, наоборот, проседает в силу сокращения бюджетов домохозяйств, для которых алкоголь не является предметом первой необходимости [Разводовский, 2021; Kotelnikova, Radaev, 2017]. Конечно, изменение реальных доходов — далеко не единственный фактор, объясняющий повышательные и понижительные волны в потреблении алкоголя. Среди других влиятельных факторов можно назвать ограничительные меры антиалкогольной политики и культурные сдвиги, связанные с приходом новых поколений.

³ Источник: данные Росстата.

Корректировка данных с учетом нелегального алкоголя

Наряду с потреблением легального алкоголя, значительную роль на протяжении российской истории играл нелегальный алкоголь. Посмотрим, как он дополняет картину в период позднего социализма 1980-х годов и либеральных реформ 1990-х годов, используя расчеты А. В. Немцова [2009] и данные Всемирной организации здравоохранения [WHO, 2019].

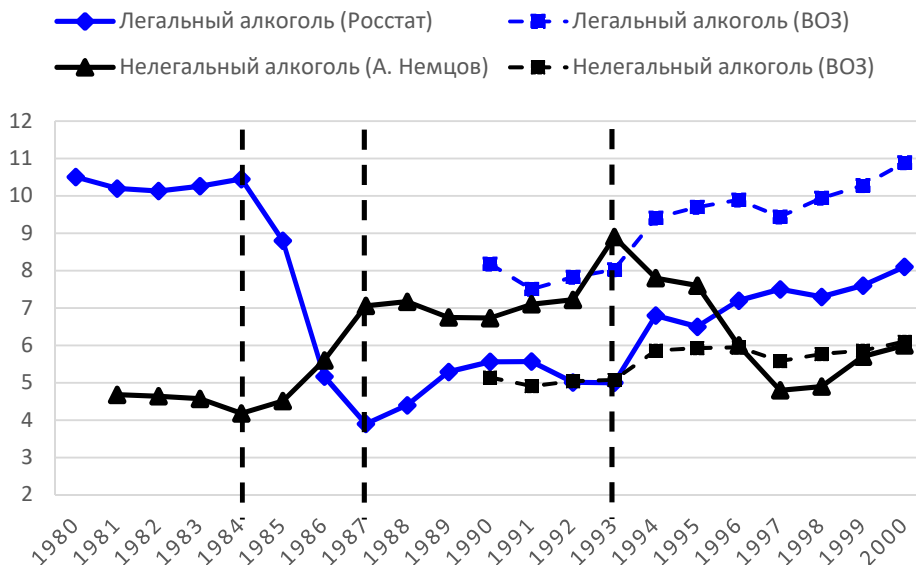
Наиболее серьезное вмешательство государства в алкогольную политику было осуществлено в ходе знаменитой горбачевской антиалкогольной кампании в 1985—1987 гг., приведшей к существенному повышению цен на алкогольные напитки, введению многочисленных запретов на производство, продажи и потребление, ужесточению наказаний за нарушения, связанные с потреблением алкоголя [Bhattacharya, Gathmann, Miller, 2012]. В этот период употребление легального алкоголя быстро сократилось в два с половиной раза (с 10,5 л до 4 л на душу населения). При этом как минимум половина этого падения была замещена домашним самогонем, потребление которого выросло с 4 л до 7 л и в 1987 г. достигло почти двух третей (64%) общего объема потребляемого алкоголя [Vroublevsky, Harwin, 1998, Немцов, 2009] (см. рис. 2). После скорого сворачивания горбачевской антиалкогольной кампании в 1988—1991 гг. потребление легального алкоголя частично восстановилось, прежде всего за счет увеличившихся продаж водки. Самогон при этом сохранял свои позиции, на него приходилось более половины общего объема потребления. В этот период еще более укрепляется так называемый «северный» стиль потребления алкоголя.

Следующим фактором, существенно повлиявшим на динамику потребления алкоголя, стала экономическая реформа 1992—1994 гг. Дерегулирование торговли сопровождалась либерализацией цен и массовым замещением легального алкоголя нелегальным [Андриенко, Немцов, 2006]. При этом, хотя потребление самогона в 1990-е годы несколько выросло [Тапилина, 2006], резкий рост объемов нелегального алкоголя происходил уже преимущественно за счет других источников. На дерегулированный российский рынок хлынул дешевый алкоголь промышленного и кустарного производства, включая чистый спирт, напитки низкого качества и откровенные подделки, многие из которых импортировались в страну или ввозились контрабандными способами новыми частными предпринимателями [Немцов, 2009]. Заметим, что подобный массовый приток импортного алкоголя наблюдался в реформенный период и в других восточно-европейских странах [Moskalewicz, Simpura, 2000], Россия здесь не является исключением. Это продолжалось до тех пор, пока в середине 1990-х годов государство не усилило контроль над алкогольными рынками, приведший к росту легального и сдерживанию нелегального сегментов. После кризиса 1998 г. наблюдается короткая повышательная волна в употреблении нелегального алкоголя, а начавшийся в 2000-е годы экономический рост, сопровождаемый усилением государственного контроля над алкогольным рынком, привел к дальнейшему повышению потребления легального алкоголя и очередному снижению доли нелегального [Радаев, Котельникова, 2016; Радаев, 2018].

Заметим, что кривая потребления легального алкоголя по оценкам ВОЗ с 1990 г. по форме повторяет график данных Росстата, однако находится выше

нее на 2,5—3 л. Потребление нелегального алкоголя, по данным ВОЗ, напротив, оказывается более умеренным, чем по расчетам А. В. Немцова (примерно на 2 л в год — по крайней мере, до 1996 г.); в целом кривая ВОЗ выглядит более сглаженной. В 2000 г. данные о потреблении нелегального алкоголя по двум обозначенным источникам наконец сходятся. По сумме же легального и нелегального алкоголя оценки ВОЗ ежегодно превышают показатели Росстата и А. В. Немцова на 1—3 л чистого алкоголя на душу населения (см. рис. 2).

Рис. 2. Душевое потребление легальной и нелегальной алкогольной продукции в России в 1980—2000 гг., в литрах чистого алкоголя⁴

Теперь продлим временной ряд в новое тысячелетие и рассмотрим динамику суммарного потребления алкоголя, добавив к статистике Росстата данные ВОЗ, которые пытаются учитывать объемы легального и нелегального алкоголя (включая алкогольные суррогаты) с 1990 г.

Оценки душевого потребления алкоголя по данным ВОЗ в разные годы превышают показатели Росстата в 1,5—2 раза, причем не только за счет добавления нелегального алкоголя, но и за счет более высоких оценок потребления легального алкоголя. Данные ВОЗ нередко подвергаются критике со стороны экспертов за возможное завышение. Однако, несмотря на эти расхождения, на рисунке 3 мы видим в целом сходную циклическую конфигурацию: сначала идет повышательная волна, а затем снижение потребления. При этом кривая ВОЗ оказывается более крутой по наклону: рост начинается с 12,4 л в 1991 г., а пиковое значение достигается раньше, фиксируясь в 2003 г. на уровне 20,4 л (+65%; здесь, по оценкам ВОЗ, Россия вновь выходит на первое место в мире). Далее мы видим тенденцию

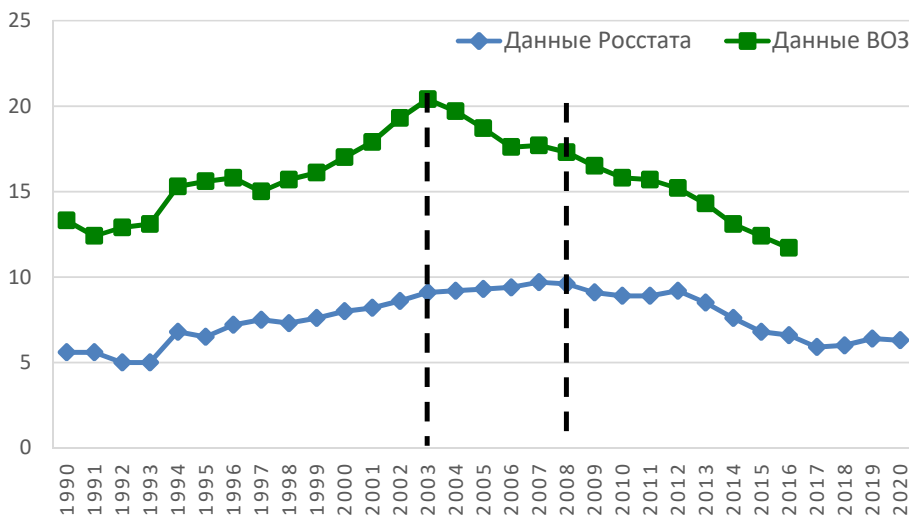
⁴ Источник: данные Росстата, [Немцов, 2009; WHO, 2019].

к уменьшению душевого потребления алкоголя в России — и в легальном, и в нелегальном сегментах. К 2016 г., по данным ВОЗ, оно уменьшается до 11,7 л (–43% по сравнению с 2003 г.), включая 8,1 л легального и 3,6 л нелегального алкоголя [WHO, 2019]. Наконец, после 2016 г. данные ВОЗ пока отсутствуют, и мы не знаем, происходит ли здесь перелом кривой, как по статистике Росстата.

Дополнительным источником данных здесь может стать статистика Минздрава России, которая показывает снижение душевого потребления в литрах чистого алкоголя на 41% в 2008—2018 гг. (с 15,7 л до 10,8 л), а к 2020 г. — увеличение до 10,8 л (+16%), повторяя тренд, отмеченный Росстатом. Статистические данные Росстата и Минздрава за этот период теснейшим образом скоррелированы ($r = 0,916$, $p < 0,01$), а существенная разница в абсолютном уровне (3—4 л), как и с данными ВОЗ, объясняется, по всей видимости, более полным учетом нелегального алкоголя в статистике Минздрава.

Приведенный обзор статистики свидетельствует, что вывод о снижении потребления алкоголя в годы экономических кризисов в целом подтверждается. При этом снижение продаж легального алкоголя, как правило, компенсируется ростом потребления в нелегальном сегменте, но замещение происходит не в полном объеме.

Рис. 3. Потребление алкоголя на душу населения в 1990—2020 гг., в литрах чистого алкоголя⁵

Динамика доли потребителей алкоголя

Теперь посмотрим, как выглядит динамика потребления алкоголя с точки зрения опросных данных RLMS-HSE (рассматривается население в возрасте от 15 лет и старше). На рисунке 4 приведена динамика доли текущих потребителей — тех, кто пил алкогольные напитки в течение 30 дней, предшествовавших

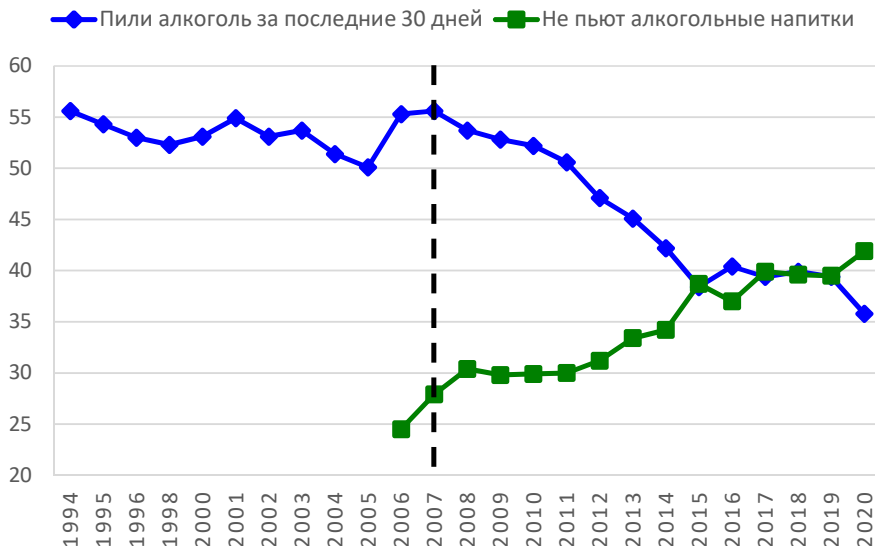
⁵ Источник: данные Росстата, ВОЗ.

опросу. Из графика видно, что в течение длительного периода с 1994 по 2007 г. эта доля с незначительными отклонениями удерживается на уровне, близком к 55%. С 2008 г. начинается ее заметное снижение, и к 2015 г. доля пьющих опускается в полтора раза — до 38,4%. Затем она стабилизируется на уровне 39%—40% вплоть до 2019 г., а с началом пандемии коронавируса в 2020 г. вновь снижается — на этот раз до 35,8%.

Дополним картину текущего потребления долей тех, кто, по их словам, вообще не потребляет алкогольных напитков (не только в последние 30 дней, а в принципе), то есть относится к числу абстинентов. Эти данные доступны лишь с 2006 г., и до 2015 г. они показывают устойчивый рост при совокупном увеличении более чем в полтора раза — с 24,5% до 38,7%. Затем этот показатель, как и доля потребителей, стабилизируется в 2015—2019 гг., а в пандемический 2020 г. — увеличивается до 41,9%. Заметим, что в 2015 г. доля абстинентов впервые сравнивается с долей текущих потребителей алкоголя, а в 2020 г. ее превосходит.

Итак, доля абстинентов, совсем не потребляющих алкоголь, постепенно приближается к половине всего взрослого российского населения, адвигающаяся ей навстречу доля текущих потребителей с 2012 г. уже оказывается ниже 50% и продолжает снижаться. Здесь, как и в данных Росстата по объемам потребления, после роста и последовавшего за ним снижения наблюдается стабилизация показателей во второй половине 2010-х годов, и вопрос о направлении следующей волны остается открытым.

Рис. 4. Доля текущих потребителей алкоголя и доля абстинентов в России в 1994—2020 гг., в %⁶

Если проанализировать опросные данные о динамике объема потребления алкоголя, выясняется, что среди текущих потребителей за период 2006—2020 гг. снижение среднего объема потребления в чистом алкоголе оказывается очень

⁶ Источник: данные RLMS-HSE.

небольшим — всего 4 % (те, кто продолжает пить, пьют примерно столько же, с колебаниями в отдельные годы). В то же время среди всего населения в возрасте от 15 лет и старше это снижение выражено значительно сильнее — 38 %, что сопоставимо с оценкой на данных Росстата и ВОЗ за тот же период. Таким образом, динамика оценок по разным источникам оказывается схожей.

Формирование и слом советской модели потребления алкоголя

От общих показателей мы переходим к анализу потребления отдельных алкогольных напитков. В послевоенное время начинает складываться советская структурная модель потребления алкоголя, которая была описана в работах В. Тремла и А. В. Немцова [Tremel, 1997; Немцов, 2009]. Основным алкогольным напитком в советское время является водка, составляющая более 50 % общего потребления алкоголя и до двух третей легального алкоголя. Кроме того, по сравнению с сегодняшним временем, в советский период потреблялось относительно много вина, в том числе импортного (по общему литражу, без пересчета в чистый алкоголь, оно в течение почти всего периода соответствовало душевому потреблению водки — примерно по 13—15 л в год). Картина дополняется весьма умеренным потреблением пива, не превышавшим 25 л на душу населения в год. Добавим, что качество продаваемого вина и пива, в отличие от качества водки, в это время оставляло желать лучшего.

В итоге сложившаяся к 1980-м годам советская структурная модель потребления алкоголя выглядела следующим образом: в пересчете на чистый алкоголь потребление водки и ликеро-водочных изделий доходило до 6 л на душу населения в год, вина — 1,5—2 л, пива — 1,2—1,3 л. То есть водки и вина потреблялось значительно больше, а пива — значительно меньше, чем в настоящее время. При этом показатели по всем трем категориям алкогольных напитков постепенно возрастали по мере повышения материального уровня жизни населения (см. рис. 5).

Рис. 5. Розничные продажи водки, пива и вина в России в 1970—1994 гг., на душу населения в литрах чистого алкоголя⁷

⁷ Источник: Рассчитано автором по данным Росстата и В. Тремла [Tremel, 1997].

Такая модель потребления легального алкоголя серьезным образом изменилась после двух последовательно наступивших шоковых воздействий, упомянутых ранее: горбачевской антиалкогольной кампании 1985—1987 гг. и либеральной экономической реформы 1992—1994 гг. На рисунке 5 видно, что продажи водки после шоковых воздействий относительно быстро восстанавливаются, продажи пива колеблются на невысоком уровне (около 1 л на душу населения), а вот продажи вина падают до предельно низкого уровня (менее 0,5 л на душу населения), поскольку восстанавливать виноделие значительно сложнее, чем изготовление водки [Радаев, Котельникова, 2016].

Переход к новой постсоветской модели потребления алкоголя

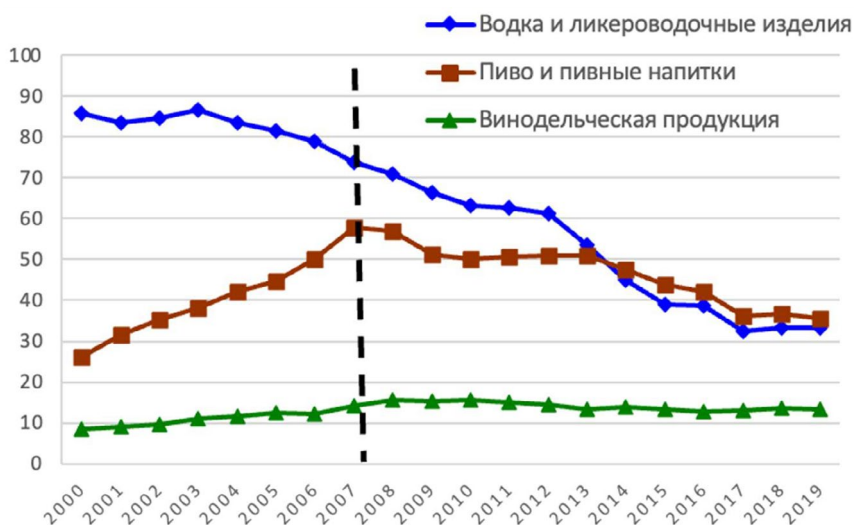
В новом тысячелетии в России складывается иная модель потребления алкоголя. Наиболее характерными приметам этого времени стало устойчивое снижение душевого потребления водки и ликеро-водочных изделий, сопровождаемое ростом потребления пива. Последнее стало результатом начавшейся в 1995 г. в России десятилетней «пивной революции». Именно в это время вводятся запреты на рекламу водки на телевидении, начинается массированная реклама пива, но главное — в Россию приходят глобальные производители с серьезными инвестициями, они приобретают лучшие российские предприятия, переоснащают их импортным оборудованием и резко повышают качество изготавливаемого пива. В итоге по сравнению с советским временем потребление этого напитка вырастает в два-три раза. Продажи вина в постсоветский период тоже росли, но куда более скромными темпами, по-прежнему сильно отставая от советского уровня. Опыт горбачевской реформы с вырубанием виноградников здесь оказался наиболее разрушительным, и восстановить виноделие даже в прежнем его объеме за короткий период не удалось.

Если посмотреть на продажи основных алкогольных напитков населению, то, по данным Росстата, пересчитанным в литры чистого алкоголя в соответствии с методикой Минздрава России, в течение всего периода с начала тысячелетия происходит устойчивое снижение продаж водки и ликеро-водочных изделий. Это сокращение оказывается более чем двукратным — с 85,8 до 33,2 млн дкл (–61%) — и происходит (вопреки обычным трендам) даже в годы экономического роста. Более того, в 2000-е годы снижение объема продаж наблюдалось на фоне не удорожания, а, напротив, значительного удешевления водки в относительных ценах. Так, если в 1998 г. на среднюю российскую зарплату можно было приобрести 51 бутылку водки, то в 2011 г. — уже 189 бутылок водки, то есть в 3,7 раза больше; парадоксальным образом сокращение продаж водочных изделий наблюдалось в условиях их возрастающей экономической доступности.

Продажи пива и пивных напитков в годы экономического роста (2000—2007 гг.), наоборот, выросли более чем в два раза — с 26,2 до 57,8 млн дкл чистого алкоголя, затем стабилизировались в 2007—2013 гг., чтобы с 2014 г. начать движение в обратную сторону и снизиться в итоге до 35,7 млн дкл (–38%). Примечательно, что, несмотря на это снижение, с 2014 г. продажи пива в чистом алкоголе впервые в истории России опередили продажи водки и ликеро-водочных изделий и с тех пор понемногу их превышают.

Что касается вина и винодельческой продукции в целом — после устойчивого и почти двукратного роста в 2000—2010 гг., начавшегося с относительно низкой базы в 8,5 млн дкл и дошедшего до 15,7 млн дкл в абсолютном алкоголе (+85%), началось снижение продаж — до 13,4 млн дкл к 2019 г. (–15%). Таким образом, потребление вина проявило большую устойчивость в кризисный период, однако даже с учетом этого к 2019 г. по объему продаж в пересчете на чистый алкоголь оно примерно в 2,5 раза уступает двум основным категориям алкогольных напитков (см. рис. 6).

Рис. 6. Розничные продажи водки, пива и вина в России в 2000—2019 гг., в млн дкл чистого алкоголя⁸

Итак, к середине 2000-х годов сложилась новая постсоветская модель потребления алкоголя, где душевое потребление водки и ликеро-водочных изделий опустилось ниже 5 л на душу взрослого населения в год, а потребление пива выросло примерно до 4 л, вплотную приблизившись к пока еще лидирующей водке. Душевое потребление вина, наоборот, снизилось по сравнению с поздним советским временем примерно до 1 л.

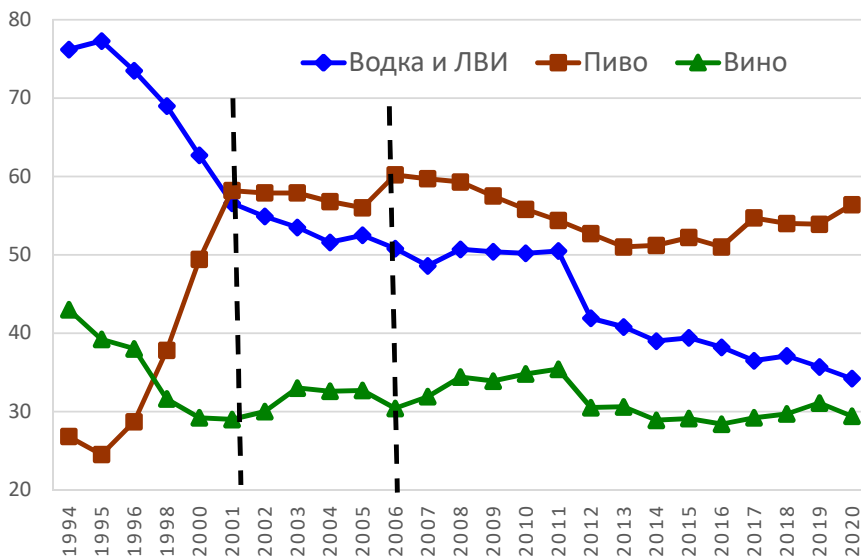
К концу 2010-х годов под воздействием экономической рецессии и кризисов, на которые накладываются множественные ограничительные меры длительной антиалкогольной политики, уровень потребления алкоголя снижается, прежде всего за счет водки и ликеро-водочных изделий, и модель среднедушевого потребления алкоголя в пересчете на чистый алкоголь принимает следующий вид: примерно на 2,5 л водки и ликеро-водочных изделий приходится 2,7 л пива и все тот же 1 л вина. Здесь мы фиксируем временную стабилизацию структуры потребления, за которой следует ожидать новых изменений.

⁸ Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Динамика доли потребителей основных алкогольных напитков

Подтверждаются ли описанные статистические тренды опросными данными RLMS-HSE? Рассмотрим динамику доли потребителей основных алкогольных напитков за 30 дней, предшествующих опросу (доли рассчитываются от текущих потребителей алкоголя). На рисунке 7 видно, что доля потребителей водки и ликеро-водочных изделий снижается с 1995 по 2007 гг. более чем в полтора раза — с 77,3% до 48,6%. В 2008—2011 гг. эта доля временно стабилизируется, чтобы с 2012 г. продолжить снижение и достичь к 2020 г. своего исторического минимума (34,2%). За весь рассматриваемый период доля потребителей водки уменьшилась очень существенно — в 2,3 раза. Начало этому снижению в 1995 г., по всей видимости, положило введение запрета на рекламу водочных изделий на телевидении, игравшем в тот период роль основного СМИ. Этот тренд не прерывался даже в период экономического роста, сопряженного с увеличением реальных располагаемых доходов населения и повышением экономической доступности водки в связи с ее удешевлением относительно средних заработных плат.

Рис. 7. Доля потребителей основных алкогольных напитков в России в 1994—2020 гг., в % от текущих потребителей алкоголя⁹

Доля потребителей пива в 1995—2001 гг., напротив, выросла в 2,4 раза (с 24,5% до 58,2%), впервые (и, видимо, навсегда) превысив при этом долю потребителей водки. После этого символического превращения России из «водочной» страны в «пивную» рост прекратился, и доля потребителей пива стабилизировалась в 2001—2006 гг., а затем даже снизилась в 2007—2013 гг. (с 60,2% до 51,0%). На динамике показателей сказались, в том числе, ограничения начавшейся анти-

⁹ Источник: данные RLMS-HSE.

алкогольной реформы, включая ступенчатый запрет на рекламу пива в средствах массовой информации. Однако после временной стабилизации в 2013—2016 гг. и отмены части ограничений на рекламу пива в связи с Чемпионатом мира по футболу в 2018 г. эта доля вновь возросла, достигнув к 2020 г. 56,4 % текущих потребителей алкоголя и вернувшись к уровню начала 2010-х годов.

Что же касается вина, то здесь качается свой маятник — в 1994—2001 гг. доля его потребителей заметно снижается (с 43,0 % до 29,0 %, в 1,5 раза), в 2000-е годы — постепенно возрастает, доходя к 2011 г. до отметки в 35,4 %, а с 2012 г., с началом рецессии и кризиса, — вновь опускается до 29 %—30 %, то есть до уровня начала 2000-х годов, и «замораживает» на этом уровне.

При сопоставлении данных Росстата по объему розничных продаж в литрах чистого алкоголя и опросных данных RLMS-HSE по доле потребителей основных алкогольных напитков несложно заметить сходство фиксируемых волнообразных тенденций — с некоторыми смещениями во времени. Мы видим, что доля потребителей водки и ликеро-водочных изделий за весь период снизилась в большей степени, чем уровень их душевого потребления. Вероятно, это происходит вследствие отказа от водки части потребителей, которые и раньше потребляли ее относительно немного (в первую очередь — представителей молодых возрастных групп).

Душевой уровень потребления вина в 2000—2008 гг. вырос несколько больше, чем доля его потребителей. Это означает, что часть любителей вина несколько увеличили его потребление, а новых приверженцев оказалось меньше. Наконец, доля потребителей пива по итогам всего периода увеличилась по обоим показателям примерно в равной пропорции. Но сначала (во второй половине 1990-х годов) наблюдается более значительный рост доли потребителей, а затем (в первой половине 2000-х годов) более весомо возрастают объемы потребления. Это означает, что в начальный период «пивной революции» второй половины 1990-х годов рост потребления пива происходил в большей степени за счет новых потребителей, привлеченных рекламой и более высоким качеством напитка, а затем (в 2001—2007 гг.) повышение обеспечивалось преимущественно растущим потреблением тех, кто был приобщен к пиву ранее.

Уход от «северного» стиля потребления алкоголя

Во многих исследованиях Россия привычно предстает как страна с выраженным «северным» стилем потребления алкоголя [Popova et al. 2007; Volkov et al. 2012], причем этот стиль распространяется на все доходные и образовательные группы [Денисова, 2010]. Что характеризует этот стиль? Во-первых, это высокий уровень общего потребления алкоголя. По данному показателю к началу 2010-х годов Россия занимала четвертое место в мире, в два с половиной раза превышая среднемировой уровень и уступая лишь нескольким странам из бывшего СССР [WHO, 2014]. Во-вторых, речь идет о преобладании крепких спиртных напитков, доля которых в России почти в три раза превышала среднемировой показатель. В-третьих, для данного стиля характерно распространение чрезмерного потребления алкоголя, особенно среди мужчин, и связанная с ним повышенная смертность, что тоже характерно для России [Haworth, Simpson, 2004; Leon, Shkolnikov, McKee, 2009].

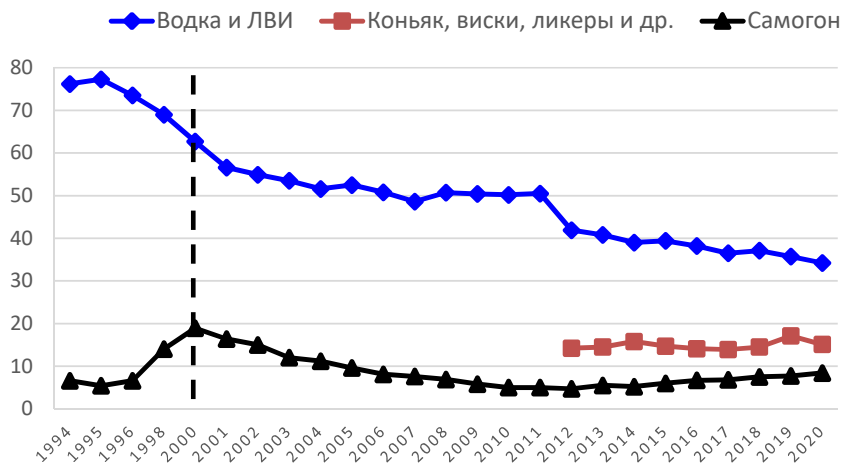
Ключевой показатель здесь — доля крепких алкогольных напитков. Ранее мы уже убедились в устойчивом снижении потребления водки — и по статистическим, и по опросным данным. Данные RLMS-HSE позволяют дополнить картину свидетельствами о потреблении самогона, которые отсутствуют в официальной статистике. Речь идет о дистиллированных крепких алкогольных напитках, изготавливаемых в домашних условиях. Учитывать их важно, поскольку в самые разные исторические периоды растущее производство домашнего самогона нередко компенсировало (по крайней мере частично) уменьшение продаж дорогой официальной водки.

В потреблении самогона обнаруживается важный перелом на рубеже нового тысячелетия. До этого, во второй половине 1990-х годов, доля потребителей самогона заметно возросла — с 5—6 % до 19 %, — компенсируя снижение доли потребителей водки, часть которых, видимо, могла переключаться с одного крепкого напитка на другой. А после 2000 г. начинается устойчивое сокращение этой доли с возвращением в 2010 г. к первоначальным 5 % текущих потребителей [Радаев, 2016; Radaev, 2016] (см. рис. 9). Правда, в 2010-е годы ситуация начала меняться. После 2012 г., когда доля потребителей самогона достигла своего исторического минимума (4,7 %), она начала понемногу расти и увеличилась к 2020 г. до 8,4 %. Рост популярности самогона в эти кризисные годы, помимо падения доходов населения, был вызван удорожанием водки в результате повышения ставки акцизов (прежде всего, в предшествующие годы) и активным легальным предложением на рынке дешевого оборудования для перегонки самогона. Однако даже после этого оживления самогон остался далек от своей былой популярности. По объему выпитого, пересчитанного в чистый алкоголь, за период 2006—2020 гг. самогон составил 8,9 % (по опросным данным), а объем выпитой водки к объему самогона в этот период соотносились примерно как 5 к 1.

Все это означает, что для российского населения потребление самогона частично замещало снижающееся потребление водки лишь до 2000 г., а дальше, по крайней мере до 2016 г., потребление промышленного и домашнего крепкого алкоголя по доле потребителей снижалось параллельно. И в отличие, скажем, от периода горбачевской антиалкогольной кампании, сокращение потребления водки в течение длительного периода не компенсировалось растущим потреблением самогона — и по статистическим данным об уровне потребления, и по опросным данным о доле потребителей.

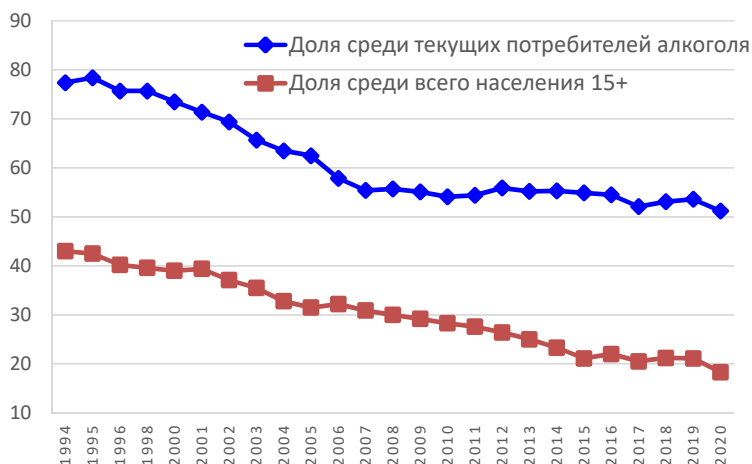
Следует проверить, не перекрывается ли уменьшение роли традиционных крепких напитков (водки и самогона) ростом более престижного крепкого алкоголя (преимущественно импортного). С 2012 г. в анкетах RLMS-HSE была выделена отдельная позиция для подобных напитков: упоминаются коньяк, виски, ликеры и прочие напитки, в число которых со всей очевидностью попадают также джин, ром, текила. В течение ряда кризисных лет звучали сообщения о росте их продаж на контрасте с падающими продажами водки и ликеро-водочных изделий. Вопреки ожиданиям, по опросным данным, доля потребителей этих напитков (в основном премиального уровня) остается с 2012 г. стабильной — на уровне 14 %—15 % (см. рис. 8). Что касается объема потребления, по тем же опросным данным, к которым в данном случае следует относиться с осторожностью, в 2012—2020 гг. доля этих напитков в суммарном потреблении не превышала 1 %.

Рис. 8. Доля потребителей водки, самогона и других крепких алкогольных напитков среди текущих потребителей в России в 1994—2020 гг., в %¹⁰

В результате, на всем периоде наблюдения (с 1994 по 2020 гг.) происходит устойчивое снижение суммарной доли потребителей крепких алкогольных напитков (включая водку, самогон и другие крепкие напитки). Среди текущих потребителей алкоголя их доля уменьшилась более чем в полтора раза — с 78% до 51% (с некоторым замедлением после 2007 г.). Среди всего населения в возрасте 15 лет и старше снижение было более равномерным, но в то же время оказалось еще более заметным: с 43% до 18%, то есть более чем двукратным (см. рис. 9).

Рис. 9. Доля потребителей крепких алкогольных напитков среди текущих потребителей и всего населения 15 лет и старше в России в 1994—2020 гг., в %¹¹

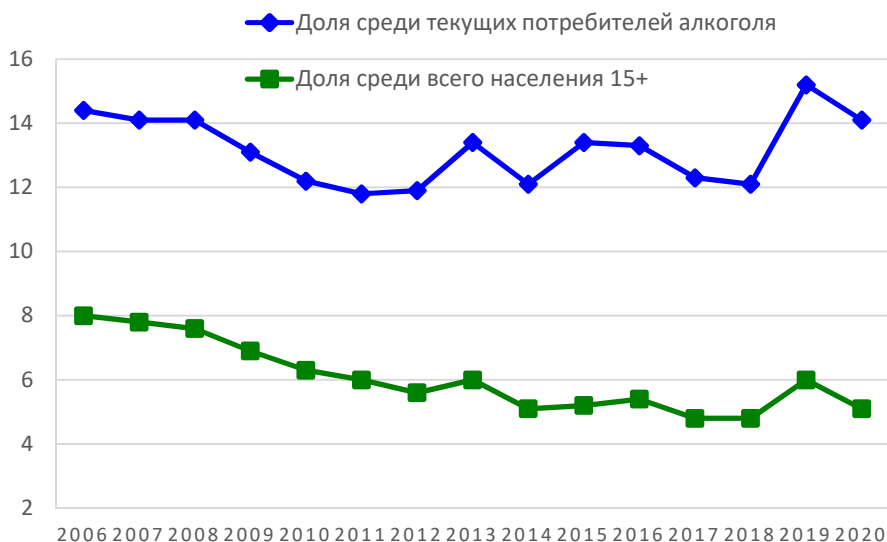
¹⁰ Источник: данные RLMS-HSE.

¹¹ Источник: данные RLMS-HSE.

Особое внимание исследователи потребления алкоголя и эксперты, занимающиеся алкогольной политикой, традиционно уделяют тем, кто потребляет большие объемы алкоголя, создавая риски для собственного здоровья и потенциальные социальные проблемы для окружающих. Сохранение или увеличение размера этой группы способно серьезным образом снизить положительные эффекты от общего уменьшения доли потребителей и объема потребления алкоголя. Для решения задачи по оценке такого индикатора мы используем показатель «чрезмерного» (heavy) потребления алкоголя. Его вычисление дифференцировано по гендерному признаку и составляет 800 и более граммов чистого алкоголя за последние 30 дней для мужчин и 400 и более граммов чистого алкоголя — для женщин [Радаев, Рощина, 2019]. Напомним, что рассчитать этот показатель мы можем лишь с 2006 г., когда в RLMS-HSE появляются данные по объему потребления алкоголя.

На рисунке 10 видно, что доля чрезмерных потребителей алкоголя остается относительно стабильной, в основном размещаясь в интервале от 12% до 14% текущих потребителей. Если же мы берем всех респондентов в возрасте от 15 лет и старше, то доля чрезмерных потребителей за период 2006—2020 гг. уменьшается — с 8% до 5%. Однако это происходит в большей степени не потому, что текущие потребители алкоголя сокращают объемы выпитого, а вследствие сокращения доли этих потребителей.

Рис. 10. Доля чрезмерных потребителей алкоголя среди текущих потребителей и всего населения в возрасте 15 лет и старше в России в 1994—2020 гг., в %¹²

Итак, «северный» стиль потребления алкоголя, с которым привычно ассоциируется Россия, сегодня постепенно отступает в силу развития альтернативных

¹² Источник: данные RLMS-HSE.

паттернов. Устойчиво снижающееся потребление крепких алкогольных напитков как промышленного, так и (до последнего времени) домашнего производства, вносит свой вклад в возрастающую гетерогенность. Подобные изменения полностью соответствуют глобальным трендам в потреблении алкоголя, когда страны, традиционно относившиеся к «северному» стилю потребления, движутся в направлении смешанных центрально-европейского и средиземноморского стилей с характерным для них более активным потреблением менее крепких алкогольных напитков [Popova et al., 2007; Mäkelä, Tigerstedt, Mustonen, 2012].

Можно заключить, что в России складывается более прогрессивная по международным меркам структура потребления алкоголя. Однако пока она далека от «идеальной» структуры, фиксирующей соотношение, которое, по мнению международных экспертов, минимизирует негативные последствия. При такой структуре в общем потреблении алкогольных напитков пиво должно составлять примерно 50 %, вино — 35 %, а крепкие напитки — 15 % [Edwards et al., 1994]. Для приближения к этой структуре доли потребляемого пива и вина в России должны еще возрасти за счет дальнейшего сокращения потребления крепких алкогольных напитков.

Основные выводы

В статье продемонстрировано, что статистические данные по объему потребления алкоголя и опросные данные по доле его потребителей эффективно дополняют друг друга. При этом по абсолютным значениям данные, полученные из разных источников (Росстата, ВОЗ и опросов RLMS-HSE), часто расходятся, но динамика и структура потребления алкогольных напитков отражается сходным образом, что наиболее важно для целей данной работы.

При анализе за достаточно длительный период потребление алкоголя обнаруживает циклический характер, когда повышательные и понижательные волны последовательно сменяют друг друга. Это касается и легального, и нелегального алкоголя, объемы потребления которых в отдельные периоды изменялись в противоположных направлениях, свидетельствуя о частичном замещении, а в другие — двигались параллельно. В целом, в России обнаруживается большой по мировым меркам размах колебаний потребления алкоголя за относительно короткий период времени [Немцов, Шелыгин, 2014].

Вопреки стереотипным представлениям, потребление алкоголя вырастает не в периоды экономических кризисов, а в более благополучные годы; в кризисные периоды оно, наоборот, снижается. При этом сокращение продаж легального алкоголя, как правило, компенсируется ростом оборота нелегального алкоголя, но замещение происходит не в полном объеме.

По мере роста материального благосостояния населения СССР в 1960—1970-е годы потребление легального алкоголя устойчиво повышалось, и к середине 1980-х годов достигло своего пикового значения, увеличившись втрое. В результате жесткой горбачевской антиалкогольной реформы потребление алкоголя снизилось в 2,5 раза, а затем началась новая повышательная волна с кратковременными снижениями в периоды кризисов 1995 и 1998 гг., к 2007 г. почти вернувшая потребление к позднему советскому уровню.

Со второй половины 2000-х годов, с началом череды экономических кризисов и одновременным разворачиванием ограничительных антиалкогольных мер, наблюдается снижение потребления алкоголя и по его объему, и по доле потребителей (примерно на 35%—40%). Доля абстинентов, совсем не потребляющих алкоголь, постепенно стремится к половине всего взрослого российского населения, адвигающаяся навстречу доля текущих потребителей опускается ниже 50% и продолжает снижаться. В то же время уровень потребления среди пьющего (в том числе, среди чрезмерно пьющего) населения снижается намного медленнее. Тем не менее, в конце 2010-х годов Россия наконец покинула группу стран-лидеров по потреблению алкоголя на душу населения.

Важно, что каждый новый алкогольный цикл не возвращает ситуацию в исходную точку, но сопровождается сдвигами в структуре потребляемых напитков. В 1960—1980-е годы сформировалась советская модель потребления алкоголя, которая идеально укладывалась в «северный» стиль потребления. В структурном отношении для нее были характерны следующие черты: безусловное доминирование водки и ликеро-водочных изделий, заметное количество отечественного и импортного вина разного (но в основном невысокого) качества и умеренное потребление дешевого отечественного пива откровенно низкого качества. Дорогая и высококачественная водка дополнялась значимым объемом домашнего самогона, часть которого легально производилась для нужд собственного потребления и отличалась неплохим качеством, а другая часть (часто более низкого качества) продавалась на нелегальном рынке.

К 2010-м годам, после ряда экономических и политических шоков, выстроилась новая — постсоветская — модель потребления алкоголя. В 2000-е годы снижается доля водки, несмотря на ее временное относительное удешевление. Существенно возрастает качество и количество потребляемого пива, которое перегоняет водку сначала по доле потребителей, а потом и по объему потребления в литрах чистого алкоголя. Значительно снижается и стабилизируется на относительно низком уровне потребление вина, выросшего в качестве, но сильно подорожавшего в относительных ценах. Наконец, на исторически низкой отметке стабилизируется потребление домашнего алкоголя с небольшой тенденцией к росту во второй половине 2010-х годов. Таким образом, в новом тысячелетии наблюдается явный отход России от привычного с советского времени «северного» стиля потребления, когда снижение продаж водки и ликеро-водочных изделий уже не компенсируется ростом производимого самогона, а прочие (преимущественно импортные) крепкие напитки не занимают сколько-нибудь значимую долю — по крайней мере пока.

К концу 2010-х годов наблюдается стабилизация и даже некоторый рост потребления алкоголя. Находимся ли мы на пороге новой повышательной волны — покажет будущее. Характер новой волны будет зависеть от множества обстоятельств: насколько глубокими будут последствия экономических санкций, введенных с конца февраля 2022 г.; как поведут себя по мере своего взросления более молодые поколения, которые меньше своих предшественников потребляли алкоголь; как будет строиться дальнейшая акцизная политика, подталкивающая рост розничных цен на алкогольную продукцию; наконец, как повлияют на потребление алкоголя эпидемиологические шоки — по первым данным в ходе эпидемии коронавируса

продажи крепких алкогольных напитков выросли, продажи вина сократились, а продажи пива демонстрировали неоднозначные колебания [Немцов, Гридин, 2021]. Окончательные выводы относительно будущей динамики потребления алкоголя в России делать еще слишком рано — вопрос о том, вверх или вниз направится последующая волна, пока остается открытым.

Список литературы (References)

Андриенко Ю. В., Немцов А. В. Оценка индивидуального спроса на алкоголь // Научные труды ЦЭФИР/РЭШ. 2006. № 89. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP89-rus.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

Andrienko Y. V., Nemtsov A. V. (2006) Estimation of Individual Demand for Alcohol. *CEFIR / NES Working Papers*. No. 89. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP89-rus.pdf> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.)

Денисова И. Потребление алкоголя в России: влияние на здоровье и смертность // Аналитические отчеты и разработки ЦЭФИР/РЭШ. 2010. № 31. URL: <https://www.nes.ru/files/research/cefir/policypapers/PP31.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

Denisova I. (2010) Consumption of Alcohol in Russia: Effect on Health and Mortality. *CEFIR / NES Analytical Reports and Papers*. No. 31. <https://www.nes.ru/files/research/cefir/policypapers/PP31.pdf> (accessed: 03.02.2022) (In Russ.)

Котельникова З. В. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 105—112.

Kotelnikova Z. V. (2015) Interrelations of Practices of Alcohol Consumption and Social Structure. *Sociological Studies*. No. 4. P. 105—112. (In Russ.)

Немцов А. В. Алкогольная история России: новейший период. М.: Libroком, 2009. Nemtsov A. V. (2009) *Alcoholic History of Russia: The New Times*. Moscow: Librocom. (In Russ.)

Немцов А. В., Шелыгин К. В. Потребление алкоголя в России: 1956—2012 гг. // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 3—12.

Nemtsov A. V., Shelygin K. V. (2014) Alcohol Consumption in Russia: 1956—2012. *Issues of Narcology*. No. 5. P. 3—12. (In Russ.)

Немцов А. В., Гридин Р. В. Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // Общественное здоровье. 2021. Т. 1. № 2. С. 7—11.

Nemtsov A. V., Gridin R. V. (2021) Alcohol Consumption during the COVID Pandemic in Russia. *Public Health*. Vol. 1. No. 2. P. 7—11. (In Russ.)

Радаев В. В. Не самогонем единым: структура и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5. С. 121—141.

Radaev V. V. (2016) Not Samogon Alone: Drinking Patterns and Factors Affecting Consumption of Homemade Alcohol in Contemporary Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 121—141. (In Russ.)

Радаев В. В. Королевство кривых зеркал: эволюция рынков нерегистрируемого алкоголя в России в 1980—2010-е годы // Мир России. 2018. № 3. С. 28—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-28-60>.

Radaev V. V. (2018) Kingdom of Crooked Mirrors: The Evolution of Illegal Alcohol Markets in Russia in 1980—2010s. *Universe of Russia*. No. 3. P. 28—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-28-60>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020а. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

Radaev V. V. (2020a) Millennials: How Russian Society Is Being Changed. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>. (In Russ.)

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020b. Т. 26. № 4. С. 31—60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>.

Radaev V. V. (2020b) Divide of the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (The Ending). *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 4. P. 31—60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>. (In Russ.)

Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. № 5. С. 92—117.

Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. (2016) Changes in the Structure of Alcohol Consumption in the Context of the State Alcohol Policy in Russia. *Economic Policy*. No. 5. P. 92—117. (In Russ.)

Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 7—57.

Radaev V. V., Roschina Ya. M. (2019) Measuring Alcohol Consumption as a Methodological Problem. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (Sociology: 4M)*. No. 48. P. 7—57. (In Russ.)

Разводовский Ю. Е. Влияние макроэкономических факторов на потребление алкоголя в России // Собириология. 2021. Т. 27. № 1. С. 49—54.

Razvodovsky Yu. E. (2021) Impact of the Macroeconomic Factors on Alcohol Consumption in Russia. *Sobriology*. Vol. 27. No. 1. P. 49—54. (In Russ.)

Рощина Я. М., Богданов М. Б. Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 4. С. 134—171.

Roshchina Ya. M., Bogdanov M. B. (2018) What Is Affecting the Consumption of Alcohol and Tobacco: A Review of Economic and Sociological Concepts and Empirical Results. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 134—171. (In Russ.)

Тапилина В. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 85—94.

Tapilina V. (2006) How Much Does Russia Drink? The Volume, Dynamic and Differentiation of Alcohol Consumption. *Sociological Studies*. No. 2. P. 85—94. (In Russ.)

Bhattacharya J., Gathmann C., Miller G. (2012) The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis. *IZA Discussion Paper*. No. 6783. <https://doi.org/10.1257/app.5.2.232>.

Edwards G., Anderson P., Babor T.F., Casswell S., Ferrence R., Giesbrecht N., Godfrey C., Holder H. D., Lemmens P., Mäkelä K., Midanik L., Norström T., Österberg E., Romelsjö A., Room R., Simpura J., Skog O.J. (1994) *Alcohol Policy and the Public Good*. Oxford, MA: Oxford University Press.

Gil A., Polikina O., Koroleva N., McKee M., Tomkins S., Leon D.A. (2009) Availability and Characteristics of Nonbeverage Alcohols Sold in 17 Russian Cities in 2007. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. Vol. 33. No. 1. P. 79—85. <https://doi.org/10.1111/j.1530-0277.2008.00813.x>.

Haworth A., Simpson R. (2004) *Moonshine Markets: Issues in Unrecorded Alcohol Beverage Production and Consumption*. New York, NY: Brunner-Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203503560>.

Kilian C., Manthey J., Probst C., Brunborg G.S., Bye T.K., Ekholm O., Kraus L., Moskalewicz J., Sieroslawski J., Rehm J. (2020) Why Is Per Capita Consumption Underestimated in Alcohol Surveys? Results from 39 Surveys in 23 European Countries. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 5. P. 554—563. <https://doi.org/10.1093/alcalc/aaa048>.

Kotelnikova Z., Radaev V. (2017) Recomposition and Levelling of Consumption Expenditures Across Four Economic Shocks in Russia, 1994—2014. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 41. No. 4. P. 439—448. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12372>.

Kraus L., Room R., Livingston M., Pennay A., Holmes J., Törrönen J. (2019) Long Waves of Consumption or a Unique Social Generation? Exploring Recent Declines in Youth Drinking. *Addiction Research and Theory*. Vol. 28. No. 3. P. 183—193. <https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1629426>.

Leon D.A., Shkolnikov V.M., McKee V. (2009) Alcohol and Russian Mortality: A Continuing Crisis. *Addiction*. Vol. 104. No. 10. P. 1630—1636. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x>.

Livingston M., Callinan S. (2015) Underreporting in Alcohol Surveys: Whose Drinking is Underestimated? *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 76. No. 1. P. 158—164. <https://doi.org/10.15288/jsad.76.1.158>.

Mäkelä P., Tigerstedt C., Mustonen H. (2012) The Finnish Drinking Culture: Change and Continuity in the Past 40 Years. *Drug and Alcohol Review*. Vol. 31. No. 7. P. 831—840. <https://doi.org/10.1111/j.1465-3362.2012.00479.x>.

Moskalewicz J., Simpura J. (2000) The Supply of Alcoholic Beverages in Transitional Conditions: The Case of Central and Eastern Europe. *Addiction*. Vol. 95. P. 505—522.

- Nemtsov A. V. (2004) Alcohol Consumption in Russia: Is Monitoring Health Conditions in the Russian Federation (RLM) Trustworthy? *Addiction*. Vol. 98. No. 3. P. 386—387. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00651.x>.
- Neufeld M., Rehm J. (2018) Newest Policy Developments Regarding Surrogate Alcohol Consumption in Russia. *International Journal of Drug Policy*. Vol. 54. P. 58—59. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.11.013>.
- Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. (2007) Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 42. No. 5. P. 465—473. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agl124>.
- Radaev V. (2016) Divergent Drinking Patterns and Factors Affecting Homemade Alcohol Consumption (The Case of Russia). *International Journal of Drug Policy*. Vol. 34. P. 88—95. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2016.04.016>.
- Radaev V., Roshchina Ya. (2019) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age-Period-Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence, 1994—2016. *Addiction*. Vol. 114. No. 5. P. 823—835. <https://doi.org/10.1111/add.14535>.
- Skog O. J. (1986) The Long Waves of Alcohol Consumption: A Social Network Perspective on Cultural Change. *Social Networks*. Vol. 8. P. 1—32.
- Treisman D. (2008) Alcohol and Early Death in Russia: The Political Economy of Self-Destructive Drinking. *Working Paper WP3/2008/02*. Moscow: Higher School of Economics.
- Tremblay V. (1997) Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption. In: Bobadilla J. L., Costello C. A., Mitchell F. (eds.) *Premature Death in the New Independent States*. Washington, DC: National Academy Press. P. 220—238.
- Volkov A. V., Kholdin V. N., Gorbachev I. A. et al. (2012) Russia. In: International Center for Alcohol Policies (ICAP) (ed.) *Producers, Sellers, and Drinkers: Studies of Noncommercial Alcohol in Nine Countries*. Washington, DC: International Center for Alcohol Policies. P. 49—53.
- Vroublevsky A., Harwin J. (1998) Russia. In: Grant M. (ed.) *Alcohol and Emerging Markets: Patterns, Problems, and Responses*. Philadelphia, PA: Brunner and Mazel. P. 203—222. <https://doi.org/10.4324/9780203778142>.
- WHO (2014) Global Status Report On Alcohol and Health. Geneva: World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/global-status-report-on-alcohol-and-health-2014> (accessed: 03.02.2022).
- WHO (2019) Alcohol Policy Impact Case Study. The effects of alcohol control measures on mortality and life expectancy in the Russian Federation. WHO Regional Office for Europe. URL: <https://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/alcohol-policy-impact-case-study-the-effects-of-alcohol-control-measures-on-mortality-and-life-expectancy-in-the-russian-federation-2019> (accessed: 03.02.2022).